



Г. Д. ГУРВИЧ

**Руссо и Декларация прав
Идея неотъемлемых прав индивида
в политической доктрине Руссо**

<отрывок>

ГЛАВА I

**ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО — ИНСТИНКТИВНОЕ И РАЗУМНОЕ —
И СОЦИАЛЬНЫЙ ДОГОВОР**

Устанавливая условия, которым необходимо должен* удовлетворять социальный договор, чтобы породить государственное целое как известное моральное единство, Руссо говорит: «Ces clauses (du contrat) bien entendues se reduisent toutes à une seule: l'aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté... De plus, l'aliénation se faisant sans réserve, l'union est aussi parfaite qu'elle peut l'être, et nul associé n'a plus rien à réclamer»**2. Кажалось бы, дело индивида окончательно проиграно; он не удерживает за собой никаких внегосударственных прав***. В дальнейшем пользовании правами он всецело зависит от суверена****. Личность как будто беспово-

* «Les clauses de ce contrat sont tellement déterminées par la nature de l'acte, que la moindre modification les rendrait vaines et de nul effet»¹ (Contrat social (далее — C. S.) L. I. C. VI. P. 138).

** C. S. L. I. C. VI. P. 139–140.

*** «Car s'il restait quelques droits au particuliers, comme il n'y aurait aucun supérieur commun, qui vût prononcer entre eux et le public, chacun, étant en quelque point son propre juge, prétendrait bientôt l'être en tous; l'état de nature subsisterait, et l'association deviendrait nécessairement tyrannique ou vaine»³ (C. S. L. I. C. VI. P. 140).

**** C. S. L. II. C. IV. P. 166.

ротно подчинена государству... Но вдруг Руссо после всех этих заявлений и рядом с ними делает такое замечание: «Il s'agit de bien distinguer les droits respectifs des citoyens et du souverain, et les devoirs qu'ont à remplir les premiers en qualité de sujets du droit naturel, dont ils doivent jouir en qualité d'hommes»⁴.

Сверх всякого ожидания индивид, ставший гражданином путем отказа от всех своих прав, оказывается вдруг в обладании естественными правами человека, противостоящими верховной власти. На первый взгляд здесь явное противоречие, и Руссо сам обращает на него внимание читателя. «Lecteurs attentifs, — говорит он в примечании к этому месту, — ne vous pressez pas, je vous prie, de m'accuser ici de contradiction. Je n'ai pu l'éviter dans les termes; mais attendez»⁵. Поверим Руссо. И вместо того чтобы в согласии с большинством авторов объявлять вышеприведенное место загадочным и необъяснимым⁶ и с подозрительной легкостью обличать Руссо в немедленном отказе от своих слов⁷, попытаемся, обратив-

* C. S. L. II. C. VI. P. 165–166.

** C. S. L. II. C. VI. P. 165.

*** «inextricable»⁶, как выражается Faguet⁷. *Politique comparée de Montesqueu, Rousseau et voltaire...* и т. д. P. 21.

**** Обличения эти, постоянно повторяемые в литературе, основываются на неправильном истолковании контекста. — Непосредственно вслед за приведенной цитатой Руссо говорит: «On convient que tout ce que chacun aliène, par le pacte social, de sa puissance, de ses biens, de sa liberté, c'est seulement la partie de tout cela dont l'usage importe à la communauté; mais il faut convenir aussi, que le souverain seul est juge de cette importance»⁸ (C. S. L. II. C. VI. P. 166). Все авторы (*Duguit. Traité du droit constitutionnel. 1911. T. 2; Rehm H. Geschichte der Staatsrechts wissenschaft. 260; Gierke. Iohannas Altusaius III. A. 1913. 117; Iellinek G. De Erklrdung der Menschen un Burgerechte. 5; Janet P. Histoire de la philosophie morale et politique. T. II, 479–481; Faguet. op. cit. 21 и т. д.*)⁹ толкуют это место таким образом, будто оно содержит разъяснение предыдущего заявления Руссо о естественных правах граждан, и в связи с таким пониманием с большой легкостью избочают Руссо в том, что он берет тут же обратно свое первоначальное заявление. — По нашему крайнему разумению, ничего не может быть ошибочнее подобного истолкования. Весь только что приведенный отрывок состоит из полемики против воззрений Локка, а вовсе не положительных утверждений. Именно Локк думал (и его подразумевает Руссо, когда говорит: «on convient»¹⁰ и т. д.), что индивиды отчуждают только часть своих прав; (Ср.: *Two tretises of government. B. II. C. VIII § 99, C. IX § 122 и CXI*); Руссо возражает против этого мнения. «Mais il faut convenir aussi, — говорит он, опровергая Локка, — que le souverain seul est juge de cette importance»¹¹. Свои собственные воззрения Руссо начинает излагать только со следующего абзаца: «Tous les services qu'un citoyen peut rendre à l'état, il

шись ко всей совокупности мыслей Руссо, найти объяснение этого кажущегося противоречия.

В чем состоит, спросим себя прежде всего, то естественное право, которым, согласно признанию Руссо, должен пользоваться всякий гражданин в качестве человека? «*Contrat social*» дает ясный ответ на этот вопрос. Откроем главу IV книги I этого произведения, и здесь мы читаем: «*Renoncer à sa liberté, c'est renoncer à sa qualité d'homme, aux droits de l'humanité, même à ses devoirs. Il n'y a nul dédommagement possible pour quiconque renonce à tout. Une telle renonciation est incompatible avec la nature de l'homme; et c'est ôter toute moralité à ses actions que d'ôter toute liberté à sa volonté*»^{*13}. Те же определения мы находим во всех других произведениях Руссо: «*Discours sur l'inégalité*», «*Economie politique*», «*Emile*», «*Lettres écrites de la Montagne*»¹⁵, Первоначальной редакции общественного договора^{**}. Неотъемлемая свобода индивида — таково, согласно многократным заявлениям Руссо, основное содержание естественного права. Свобода же эта понимается Руссо как полная независимость воли индивида от посторонних ей велений. «*Il est certain, — говорит он, — que si l'on peut contraindre ma volonté, je ne suis pas libre*»¹⁸.

Но если так, то с раскрытием содержания естественного права противоречие в мыслях Руссо еще более углубилось. Оказывается, что основное и необходимое условие общественного договора — безоговорочное отречение индивида от всех своих

le lui doit sitft que le souverain les demande. Mais le souverain... ne peut charger les sujets d'aucune chaine inutile a la communauté: il ne peut pas mkme le vouloir, car sous la loi de raison, rien ne se fait sans cause, non plus que sous la loi de nature»¹². Только здесь следует искать разъяснения заявлению Руссо, что граждане и в общественном состоянии пользуются естественными правами, и, как увидим, Руссо и не думает брать свое утверждение обратно.

Неправильное истолкование приведенного выше отрывка сильно повредило верному уразумению основных идей Руссо.

* P. 129, ср. также: C. S. L. I. C. I. P. 119 — «*L'homme est ne libre*»¹⁴...

** *Discours sur l'inegalité*. II partie, p. 119. *Economie Politique* I, 314. Здесь дано точное определение понятия свободы: il est certain que si l'on peut contraindre ma volonte, je ne suis pas libre»¹⁶. (314). *Emile*, kn. V. (*Des voyages*) p. 292: «*Nous examinerons ensuite si un homme peut ligitimement s'aliiyer sans restriction, sans reserve, sans aucune espyce de condition, c'est a dire s'il peut renoncer a sa personne, a sa vie, a sa raison, a son moi, a toute moralite de ses actions et cesser en un mot d'ktre homme d'exister avant mort, malgrй la nature qui le charge immidiatement de sa propre conservation et malgrй sa conscience et sa raison qui lui prescrivent ce qu'il doit faire et de ce qu'il doit s'abstenir*»¹⁷. Первоначальная редакция обществ. договора, 30-я с. (в изд. Алексева с. XXXIII).

прав, — прямо противоречит требованиям того самого естественного права, которое Руссо признает достоянием каждого гражданина. И больше того. Дело обстоит еще хуже. Согласно собственным словам Руссо, общественный договор всецело зиждется на естественном праве и у него заимствует свою обязательность: «...Toutes sortes d'engagements ne sont pas valides même devant les tribunaux humains. Ainsi pour déterminer celui-ci (т. е. социальный договор), l'on doit en expliquer la nature... on doit prouver ...qu'il n'a rien de contraire aux lois naturelles: car il n'est pas plus permis d'enfreindre les lois naturelles par le contrat social, qu'il n'est permis d'enfreindre les lois positives par les contrats de particuliers»^{*19}. Но в таком случае конструированный Руссо социальный договор сразу должен быть признан недействительным. Его условия в корне нарушают требования того самого естественного права, которому он должен соответствовать, чтобы быть действительным. Противоречие, по-видимому, безысходное: общественный договор по своей природе требует полного отчуждения прав договаривающихся, естественное право, на котором этот договор зиждется, категорически воспрещает подобное отчуждение. Где искать разрешения этого, как будто бы непреодолимого, противоречия? Прежде всего у самого Руссо.

Вывод, к которому мы пришли, именно, что учение Руссо о естественном праве аннулирует действие строяемого им общественного договора, чрезвычайно важен. Первичный элемент в системе Руссо — естественное право, а не социальный договор**. В противовес всем другим теоретикам школы есте-

* Lettres écrites de la Montagne. Lettre VI. P. 64. Œuvres. III т. Изд. Furne, 1844 г.

** Название основного политического трактата Руссо побуждает большинство истолкователей усматривать центр тяжести его учения в социальном договоре, а не в естественном праве. Не говоря уже о том, что такое понимание противоречит исходным посылкам построения Руссо, оно базируется на совершенно внешнем и случайном обстоятельстве: Dreyfuss-Brisac в своем издании Первоначальной редакции социального договора опубликовал между прочим заглавную страницу рукописи, из которой легко усмотреть, что Руссо долгое время колебался, как назвать свой трактат, и, прежде чем окончательно склониться к общеизвестному заглавию, переменял несколько названий: «La société civile», «Essai sur la constitution de l'état», «Essai sur la formation du corps publique», «Essai sur la forme de la république»²⁰, (Dreyfuss-Brisac G. Introduction // Rousseau J. J. Contrat social. Paris, 1896. P. XXII). К тому же и в окончательной редакции к заглавию прибавлено: principes du droit politique²¹, под этим же термином, согласно разъяснениям Руссо в V книге «Эмилия» (р. 291, 295), следует понимать абстрактные, естественно-правовые начала государственного строя.

ственного права, рассматривавшим договор как акт произвола и усмотрения, Руссо всецело подчиняет общественный договор естественному праву, что тесно связано с перенесением самого договора из исторической действительности в идеальный мир долженствования*. Если мы наткнулись на коренное противоречие в построении Руссо, то, ввиду исходной центрации его системы, выход из него следует искать в плоскости того или иного истолкования условий социального договора как всецело подчиненного требованиям естественного права. Итак, если мы продолжаем верить Руссо, что он, хотя и не смог избежать противоречия в терминах, свободен от него в своих идеях, мы должны будем обратить серьезное внимание на учение Руссо о социальном договоре и его условиях. Быть может, мы неправильно истолковали эти условия, не точно поняв мысль Руссо? Быть может, именно здесь Руссо не удалось избежать противоречия в терминах? Сам Руссо поможет нам ответить на эти вопросы.

Откроем VIII главу I книги «Социальный договор», изображающую переход из естественного состояния в государственное, обусловленный социальным договором. Здесь мы прочтем нижеследующее: «Ce passage de l'état de nature à l'état civil produit dans l'homme un changement très remarquable, en substituant dans sa conduite la justice à l'instinct et donnant à ses actions la moralité qui manquait auparavant. C'est alors seulement que la voix du devoir succédant à l'impulsion physique, et le droit à l'appétit, l'homme, qui, jusque là, n'avait regardé que lui-même, se voit forcé d'agir sur d'autres principes, et de consulter sa raison avant d'écouter ses penchants... si les abus de cette nouvelle condition ne le

* Особенно ярко точка зрения Руссо на социальный договор выступает в Первоначальной редакции «Соц. дог.», с. 24 Л. I. С. V (по изд. Алексеева с. XXVII) Руссо здесь говорит: «Il y a mille maniere de rassembler les hommes... dans la multitude d'aggrégations, qui existent actuellement sous ce nom, il n'y en ait peut-être pas deux qui aient été formées de la même manière, et pas une qui l'ait été selon celle que j'établis. Mais je cherche le droit et la raison et ne dispute pas des faits»²². См. также окончательную редакцию: «Comment ce changement s'est-il fait? (Переход из естеств. состояния в государственное). Je l'ignore. Qu'est ce qui peut le rendre légitime? Je crois pouvoir résoudre cette question»²³. Л. I. С. I. P. 119. Впервые обратил внимание на оригинальность Руссо в понимании социального договора Штаммлер (см. цитаты из его произведений выше). Подробно возвращение на социальный договор Руссо как на категорию долженствования обосновывает Liepmann (Op. cit. P. 95–97, и в особенности (в форме более точной и соответствующей смыслу учения Руссо) Нуман'а. (J. J. Rousseau's Social philosophie. 1898. P. 57–58). Ср. также: Гессен В. М. Основы конституционного права. 1917. С. 111–113²⁴.

dégradaient souvent au dessus de celle dont il est sorti, il devrait bénir sans cesse l'instant heureux qui l'en arracha pour jamais, et qui, d'un animal stupide et borné, fit un être intelligent et un homme»^{*25}. Мы позволили себе привести столь длинную выписку из «Contrat Social», так как убеждены, что здесь в значительной степени содержится разгадка всех противоречий, в которые якобы впадает Руссо. В самом деле. Продумав только что цитированное место, приходим к неожиданному заключению: в естественном состоянии, до социального договора индивид не обладает никакими правами и обязанностями; ему чуждо всякое сознание долга, нравственного обязательства; он исключительно подчинен естественным склонностям, повинуетя лишь голосу инстинкта, а не разума. Только общественный договор превращает его из животного в моральное существо, только общественный договор, следовательно, подчиняет человека праву, порождает права индивида. Но если так, то как же можно условием заключения договора ставить отречения индивида от своих прав. Если индивид в естественном состоянии есть только глупое и ограниченное животное, подчиненное лишь инстинкту и лишенное сознания нравственной обязательности и права, то как может он в социальном договоре отречься от того, чего он сам не имеет и чему не подчинен: от права. Сам Руссо повсюду настоятельно подчеркивает, что естественное право обращает свои веления исключительно к человеку как моральному существу, т. е. как существу, наделенному свободой воли и разумом**. К животным оно не обращается. Следовательно, в естественном состоянии естественное право не действует. Как же может индивид отречься от прав, которые к нему не относятся, не обладают в отношении к нему обязательной силой? Очевидно,

* C. S. L. I. C. VIII. P. 147–148.

** Discours sur l'inégalité. Préface. I. т. изд. Lahure. «Les modernes ne reconaissent sous le nom de loi, qu'une rigle prescrite a une ktre morale c'est a dire intelligent et libre»²⁶. (P. 88). «La bite choisit ou rejette par instinct et l'homme par un acte de liberté... et c'est surtout dans la conscience de cette liberté que se montre la spiritualité de son être»²⁷. (I. partie. 89–90 p.). Первоначальная редакция, с. 30, L. I. C. V. (по изд. Алексеева XXXIII): C'est fter toute moralité de ses actions que d'fтер toute liberté a sa volonté»²⁸. «Emile», passim, ср. в особенности: (Profession de foi du vicaire Savoyard. Кн. IV и там p. 222–227): «Le principe de toute action est dans la volonté d'un ktre libre... L'homme est libre dans ses actions... Murmurer de ce que Dieu ne l'empkche pas de faire le mal c'est murmurer de ce qu'il la fait d'une nature excellente, de ce qu'il mit a ses actions la moralité, qui les enoblit»²⁹. P. 222.

полное и безусловное подчинение индивида общественному целому как условие социального договора возможно мыслить только как безоговорочное отречение от своих инстинктов и склонностей, а отнюдь не как отказ от своих прав.

Естественное право получает свою обязательную силу только благодаря социальному договору. Руссо с большой определенностью подчеркивает это обстоятельство: «Ce qui est bien et conforme à l'ordre est tel par la nature des choses et indépendamment des conventions humaines... Sans doute il est une justice universelle émanée de la raison seul; mais cette justice, pour être admise entre nous, doit être réciproque. A considerer humainement les choses, faute de sanction naturelle, les lois de la justice sont vaines parmi les hommes... Dans l'état de nature... je ne dois rien à ceux à qui je n'ai rien promis; je ne reconnais pour être à autrui que ce qui m'est inutile... Il faut donc des conventions et des lois pour unir les droits aux devoirs et ramener la justice à son objet»^{*30}.

Мысль Руссо ясна до такой степени, что не может возбуждать ни малейших сомнений. Но как же, снова и снова встает вопрос, он мог утверждать, что необходимым условием социального договора является отречение индивида от своих прав, от тех самых, которые индивид обретает именно только через посредство социального договора?! Не здесь ли кроется то противоречие в терминах, о котором Руссо говорил в своем, не раз уже цитированном примечании?*

Ответ на этот вопрос мы найдем в Первоначальной редакции общественного договора, т. н. Женевской рукописи***. Здесь

* С. S. L. II. С. VI. P. 176–177. Ту же точку зрения Руссо развивает и в других своих произведениях, в особенности в Первоначальной редакции и статье «Droit Naturel»³¹. Соответственные цитаты из этих произведений приводятся ниже.

** Руссо неоднократно приходилось отмечать противоречивость своей терминологии: «J'ai fait cent reflexions en écrivant qu'il est impossible dans un long ouvrage de donner toujours les mêmes senses aux mêmes mots, je ne crois pas me contredire dans mes idées, mais je ne puis disconvenir que je me contredise souvent dans mes expressions»³².

*** Так как мы не заимствуем решающую цитату для нашего истолкования Руссо из Первоначальной редакции, считаем необходимым сообщить некоторые сведения, могущие оправдать наше доверие к этому произведению Руссо как выражению его постоянных взглядов, проводимых одинаково во всех его сочинениях. Первоначальную редакцию относят обыкновенно к периоду от 1751–1756, более точно к 1754–1755. (Ср.: Алексеев. Этюды о Руссо. II гл. С. 5–7; Dreyfuss-Brisac. Op. cit. XXI). Как установлено, статья «Economie Politique» в значительной своей части извлечена из этого произве-

мы читаем нижеследующее: «Protégés par la société dont nous sommes membres ou par celle où nous vivons, la répugnance naturelle à faire du mal, n'étant plus balancée en nous par la crainte d'en recevoir, nous sommes portés à la fois par la nature, par l'habitude et par la raison à en user avec les autres hommes... et de cette disposition, réduite en actes, naissent les règles du droit naturel raisonné, différent du droit naturel proprement dit, qui n'est fondé que sur un sentiment vrai, mais très vague et souvent étouffé par l'amour de nous-mêmes»^{*34}.

Завеса сразу приподнялась. Оказывается, Руссо различает два понятия естественного права: «droit naturel raisonné» — разумное естественное право и «droit naturel proprement dit» — естественное право инстинктивное, основанное на естественном побуждении. Разумное естественное право приобретает обязательную силу, приложимость к людям, только через посредство социального договора. Подчиняя индивидов, до сих пор повиновавшихся лишь инстинкту, «общей воле» и ее внешнему выражению — закону, социальный договор порождает** разумное естественное право, в смысле обязательных

дения (Алексеев. Указ. соч. Гл. II. С. 6, *Dreyfuss-Brisac*. Op. cit. X–XI). В остальных частях, за небольшими отрывками и незначительными редакционными изменениями, Первоначальная редакция текстуально совпадает с окончательной. По авторитетным отзывам обоих издателей, Первонач. редакции Алексеева и *Dreyfuss-Brisac*'а, руководящие идеи в двух редакциях совершенно совпадают (Алексеев. II т. Указ. соч. 254, *Dreyfuss-Brisac*. Op. cit. XXI). Сам Руссо, упоминая об окончательной редакции трактата, говорит не об изменении и переработке, а об извлечении из более обширного целого, которое он уничтожил. (Ср. «Avertissement» к «Contr. soc.»). Максим Ковалевский не без основания усматривает в Первоначальной редакции отрывок из основного произведения Руссо, «Institutions politiques», откуда, по гипотезе Ковалевского, Руссо черпал все свои сочинения. Ср.: *Ковалевский М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. III. С. 233–234, 238, 243. (Против его взгляда, однако, возражает Алексеев (Политическая доктрина Руссо // *Вестник права.* 1905 г. фев.–март; см. также: *Алексеев.* Этюды о Руссо. Т. II. P. 7–11)³³.

* Первоначальная редакция С. S. L. II. С. VI. P. 66 рукописи (по изд. Алексеева, LXVIII–LXVII).

** Термин «порождение» мы употребляем, разумеется, не в генетическом, а в чисто логическом его смысле (ср.: «Erzeugen» Когена, «Logik der reinen Erkenntnis», p. 25–28 и *passim*). Так как социальный договор, по учению Руссо, не исторический факт, а идеально-нормативное построение, то не требует особого разъяснения, что обусловленность разумного естественного права социальным договором не имеет ничего общего с причинно-следственной зависимостью во времени.

для человека как морального существа правил поведения: «C'est ainsi que se forment en nous les premières notions distinctes du juste et de l'injuste; car la loi est antérieure à la justice et non pas la justice à la loi... Le plus grand avantage qui resulte de cette notion est de nous montrer clairement le vrai fondement de la justice et du droit naturel» (т. е. *droit naturel raisonné*)*³⁵.

Именно это разумное естественное право, противопоставляемое естественному праву инстинктивному, постоянно имеет в виду Руссо, когда в «Трактате о политической экономии», в своей статье «Droit naturel», напечатанной анонимно в «Энциклопедии»³⁶, в V книге «Эмиля», в *Lettres écrites de la Montagne*, наконец, в Первоначальной и окончательной редакциях социального договора употребляет термин «естественное право». Так разумное естественное право как совокупность велений, обращенных к моральному, т. е. обладающему разумом и свободной волей, существу, имеет в виду Руссо, когда усматривает основное содержание этого права в категорическом запрете безусловно отчуждать свою свободу; мотивируя этот запрет, он определенно подчеркивает это обстоятельство: отказ от свободы недопустим («car)... c'est ôter toute moralité de ses actions, que d'ôter toute liberté à sa volonté»**³⁷. — Точно так же о разумном естественном праве говорит Руссо, когда выводит обязательность социального договора из действия естественного права, требованиям коего условия этого договора необходимо должны соответствовать. — Наконец, разумное естественное право, т. е. порожденное в своей обязательности общественным договором, подразумевает Руссо, когда говорит о естественных правах граждан, которыми они должны пользоваться в пределах государственного общежития в качестве людей (*en qualité d'hommes*).

Совсем иначе, когда речь идет об условиях социального договора. Признавая необходимым условием социального договора совершенное отчуждение индивидом своих прав в пользу общественного целого, Руссо, очевидно, не может иметь в виду отказ от разумного естественного права, которое индивиду еще только предстоит обрести в общественном соединении, и это тем более что содержание этого права именно и состоит в запрете такого отчуждения. Следовательно, под термином

* Первоначальная редакция С. S. L. II С. VI, р. 66–67 рукописи (по изд. Алексева, LXVII–LXVIII).

** С. S. L. I. С. IV. P. 129. Первонач. редакция L. I. С. V. P. 30 (по изд. Алексева, XXXIII).

«право» Руссо здесь может подразумевать только естественное право инстинктивное, основанное на чувстве, на естественном побуждении, сливающееся с инстинктом. Такое понимание, как нельзя более, соответствует тому изображению, которое Руссо дает переходу из естественного состояния в государственное. Как мы уже знаем, переход этот ознаменован подчинением страстей индивида его разуму*, заменой инстинкта понятием долга и правового предписания, превращением человека из существа чисто физического в существо моральное, словом, обращением из животного состояния в человеческое: — «*Nous ne commençons*», говоря словами Руссо, «*proprement à devenir hommes, qu'après avoir été citoyens*»**³⁸. — Заканчивая социальный договор, индивид как бы навсегда отрекается от своих страстей и инстинктов и всецело подчиняет себя власти разумного естественного права***: «*l'homme, qui, jusque là, n'avait regardé que lui même, se voit forcé d'agir sur d'autres principes, et de consulter sa raison avant d'écouter ses penchants*»...****⁴⁰ «*La raison (s'éclaire) de nouvelles lumières, son cœur (s'échauffe) de nouveaux sentiments...*»*****⁴¹. «*...la constitution de l'homme (s'altère)...; à l'existence physique et indépendante que nous avons tous reçue de la nature... (se substitue)... une existence partielle et morale*»^{6*42}. И только при таких условиях индивид обретает свободу — «*la liberté morale, qui seule rend l'homme vraiment maître de lui; car l'impulsion du seul appétit est esclavage, et l'obéissance à la loi qu'on s'est prescrite est liberté*»^{7*44}. — Таким образом, выставленное Руссо требование отчуждения всех «прав» индивида в пользу об-

* На это обстоятельство обратил внимание уже проф. Гессен (Op. cit. p. 117).

** Первонач. редакция С. S. L. I. C. II, p. рукописи 9 (по изд. Алексеева, XII).

*** Ср. ясную формулировку этой мысли в «Эмиле»: «*Les lois éternelles de la nature et de l'ordre existent;... elles sont écrites au fond... (du) cœur... par la conscience et par la raison; c'est à celles-la qu(e) (l'homme)... doit s'asservir pour être libre*»³⁹ (Emile. Кн. V. P. 297).

**** С. S. L. I. C. VIII. P. 147.

***** Первонач. редакция С. S. L. I. C. II. p. рукописи 14 (по изд. Алексеева XIV).

^{6*} L. II. C. VII. P. 183. В тексте: «*Celui qui ose entreprendre d'instituer un peuple doit se sentir en état de changer pour ainsi dire la nature humaine d'altérer la constitution de l'homme pour la renforcer, de substituer une existence partielle et morale à l'existence physique et indépendante nous avons tous reçue de la nature*»⁴³.

^{7*} С. S. L. I. C. VIII. P. 149. Это понятие свободы как автономии составляет дальнейшее развитие приведенного выше определения свободы (p. 26) как отрицания гетерономии.

щественного целого, будучи правильно понято, как отказ от инстинктивного естественного права в пользу разумного, меньше всего противоречит велениям разумного естественного права, к вящему утверждению коего такое отречение служит. Коренное противоречие в мыслях Руссо оказалось только мнимым и притом, как предупреждал Руссо, чисто терминологического характера: оно было вызвано двойственным значением термина «естественное право», обыкновенно употребляемым Руссо для обозначения разумного естественного права, порожденного в своей обязательности социальным договором, но также означающим в его системе естественное право, основанное на непосредственном чувстве, сливающееся с инстинктом и руководящее индивидом в естественном состоянии. Чем была вызвана такая двойственность* в терминах,

* Необходимо заметить, что двойственный смысл понятия естественного права имеет прецеденты в истории науки. Оставаясь в пределах школы естественного права XVII–XVIII веков, следует прежде всего отметить, что основоположник школы Гуго Гроций различал два понятия естеств. права — более узкое и непосредственно основанное на социальном инстинкте (*appetitus societatis*) и более широкое, базирующее на способности рассуждения и предвидения, вообще на разумной природе человека. (См.: *De jure belli ac pacis*. 1625, *Prolegomena* § 8 и § 9). В несравненно более отчетливой и резкой форме разграничение двух смыслов понятия естеств. права проводится в учении Гоббса; здесь это два разных и во многом прямо противоположных понятия. Действительно, Гоббс различает *jus naturale* как *jus ad omnia*, сливающееся с физической силой и построенное на эгоистическом инстинкте самосохранения, и *lex naturalis* — веление правого разума, требующее мира, по своему существу извечное и неизменное и в конечном итоге проистекающее из Божественной воли. (*De cive*. 1648, С. I, § 7–10, §; С. II, § 1, 28; С. III, § 29, 30, 31; С. IV, § 1). Естественный закон не действует в естественном состоянии (С. V, § 2), после же заключения договора сохраняет силу только в качестве морального обязательства (С. VI, § 13, примеч. С. III, § 27) для суверена, так что юридического значения этот закон никогда не имеет. В этом пункте заключается принципиальное и чрезвычайно глубокое отличие Руссо от Гоббса, так как для Руссо разумное естественное право имеет юридический характер и, более того, служит базой всякой вообще юридической обязательности; оно не только сохраняет силу в государственном общении, но и порождает своим действием самую возможность правопорядка; в этом глубоко оригинальная черта воззрений Руссо. (См. об этом ниже.)

К сказанному прибавим, что еще до школы естеств. права XVII–XVIII веков намечилось в науке различие двух смыслов понятия естеств. права. Так, намек на это различие содержится у классических юристов, выведивших естеств. право то из естественной природы человека, то из его моральной сущности и разума (см.: проф. *Тарановский Ф. В.* Учебник Энциклопедии

принесшая непоправимый вред правильному уразумению системы Руссо, мы скоро увидим.

Сейчас отметим только, что Руссо сам в «Contrat Social» стремится по возможности избежать пагубного действия такой двойственности и всюду резко подчеркивает различный смысл обоих значений этого термина. Упоминая в других местах «Contrat Social», кроме цитированного, об основном условии общественного договора, он избегает выражения «право» и заменяет его термином — «мощь» (*puissance*) и «сила». В самом деле, формула договора гласит: «Chacun de nous met en commun sa personne et toute sa puissance sous la suprême direction de la volonté générale...»^{*47}; в другом месте Руссо говорит: «Chaque membre de la communauté se donne à elle au moment qu'elle se forme, tel qu'il se trouve actuellement lui et toutes ses forces...»^{**48} Здесь повсюду, как видим, говорится об отречении от мощи (*puissance*), от силы, но не от прав.

И с другой стороны, Руссо резко и определенно подчеркивает все различие естественного права инстинктивного и разумного: «...il faut bien distinguer la liberté naturelle, qui n'a pour bornes que les forces de l'individu de la liberté civile qui est limitée par la volonté générale»^{***49}. Эта свобода тесно связана с свободой моральной, с понятием которой мы уже познакомились. — И вместе с тем необходимо строго различать отношение к вещам в естественном состоянии, или, по терминологии Руссо, владение (*possession*), «qui n'est que l'effet de force»⁵⁰, от права собственности — *propriété*, «qui (est) un véritable droit»^{****51}

права. 1917. Ч. I. Гл. V. С. 202–203). Далее, у глассаторов различалось *ius naturae primaevium* и *secundarium*, причем второе выводилось из разума; это воззрение резюмирует *Conradus Lagus. Juris utriusque traditio methodica*, 1553, юрист XVI века. (Цитирую название его книги по учебнику проф. Тарановского, с. 180. Пользуюсь случаем, чтобы отметить, что все это примечание, в особенности последняя его часть, внушены мне любезными личными указаниями моего глубокоуважаемого учителя профессора Ф. В. Тарановского⁴⁵. Заимствуя здесь его замечания без возможности цитировать их, приношу ему за них свою глубокую и искреннюю благодарность). О двойственном значении естественного права у некоторых правоведов XVII века ср.: проф. *Спекторский Е.*⁴⁶. Проблема социальной физики в XVII веке. Т. I. 1910. С. 543 (Вейгель) и Т. II. 1917. С. 67–68 (Гроций) и 111 (Винклер).

* С. S. L. I. C. VI. P. 141.

** С. S. L. I. C. IX. P. 149.

*** С. S. L. I. C. VIII. P. 148.

**** С. S. L. I. C. VIII. P. 148–149 и 152.

и как таковое порождается в своей обязанности социальным договором, который «ne fait que changer l'usurpation en un véritable droit et la jouissance en propriété»*⁵². Очевидно, только к разумному, но не к инстинктивному естественному праву относится резкое противоположение понятий права и силы, столь характерное для «Contrat Social». Инстинктивное естественное право, судя по приведенным только что отзывам Руссо, тесно соприкасается с силой и, во всяком случае, не отличается от силы принципиально; между ними нет ненарушимой грани. Напротив, разумное естественное право как совокупность велений, обращенных к моральному существу, ограждено от силы непроходимой пропастью, и к нему в первую очередь относятся знаменитые и, быть может, никогда не оцененные до своей последней глубины замечания Руссо о соотношении силы и права: «La force est une puissance physique; je ne vois point quelle moralité peut résulter de ses effets. Céder à la force est un acte de nécessité, non de volonté... En quel sens pourra-ce être un devoir?... S'il faut obéir par force, on n'a pas besoin d'obéir par devoir... Convenons donc que force ne fait pas droit»**⁵³.

Только вступая в социальный договор и отрекаясь от своих страстей и инстинктов в пользу разумной своей природы, индивиды подчиняют себя действию права, как чего-то принципиально отличного от силы. Вот почему индивиды при заключении договора только выгадывают, но ничего не теряют.

Отказываясь от инстинктивного естественного права в пользу разумного, индивиды впервые только и обретают права в истинном смысле этого слова. Социальный договор впервые обеспечивает за каждым гражданином разумные естественные права, которыми он должен пользоваться в качестве человека. Таковым он становится в полной мере только по выходе из естественного состояния.

* C. S. L. I. C. IX. P. 152.

** C. S. L. I. C. III. P. 125–126.

ГЛАВА II
VOLONTÉ GÉNÉRALE⁵⁴ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

<...>

Но вернемся к *volonté générale*. Мы постарались показать, что это понятие обозначает у Руссо абстрактно-личное начало, входящее как безусловный элемент в индивидуальную волю. Именно поэтому отречение от инстинктивного естественного права в пользу *volonté générale* приводит к обретению индивидом свободы как автономии-самозаконности и вполне согласуется с категорическим запретом разумного естественного права отчуждать свою свободу. Только путем подчинения своей собственной разумной природе в форме *volonté générale* человек превращается из раба своих инстинктов в свободную личность и укрепляет за собой разумные естественные права, непосредственно проистекающие из этой воли.

Нам остается еще подтвердить наше истолкование понятия *volonté générale* попыткой применить его к объяснению некоторых «темных и софистических», по мнению большинства комментаторов, мест из «*Contrat Social*». — Если рассмотреть прежде всего с этой точки зрения постоянно цитируемый «софизм» Руссо, состоящий в утверждении, что принуждение, применяемое к гражданину, чтобы заставить его повиноваться *volonté générale*, означает не что иное, как «принуждение его быть свободным»*, то сразу станет ясной вся глубина и последовательность этого заявления. Подобный вывод с логической неизбежностью вытекает из воззрения Руссо на свободу как автономию, на *volonté générale* как безусловный, общеобязательный элемент личного хотения и на социальный договор как на отречение от инстинктов в пользу разумной природы человека. Ничего общего с софизмом он не имеет. Точно так же и знаменитое, возбуждающее обыкновенно столько нареканий обоснование правомерности подчинения большинству при голосовании всецело зиждется на воззрении Руссо на свободу и *volonté générale***.

При голосовании, говорит Руссо, вопрос идет о том, соответствует ли или не соответствует баллотирова-

* C. S. L. I. C. VII. P. 146.

** Ср. также: проф. *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 27–29.

мое предложение *volonté générale* как абстрактно-личному началу, внедренному в индивидуальную волю каждого голосующего. Если большинство приходит к другому выводу, чем данный индивид, то это значит, что он заблуждается и частные, эмпирические ингредиенты своей воли принимал за общеобязательные. Поэтому «*Si (s)on avis particulier l'eût importé (il) aurait fait autre chose que ce qu'il avait voulu*» (так как постоянный ингредиент всякого индивидуального хотения есть *volonté générale*); «*c'est alors qu'(il) n'aurait pas été libre*»^{*55}. И не будем подозревать Руссо в том, что он раз навсегда связал эмпирическую волю большинства с сверх эмпирической *volonté générale*: Руссо только признает такую связь необходимым условием существования государства, но вовсе не утверждает, что она всегда налицо. «Все сказанное в предыдущем, — говорит он непосредственно после приведенной выше цитаты, — построено на предположении, *que tous les caractères de la volonté générale sont encore dans la pluralité; quand ils cessent d'y être, quelque parti qu'on prenne, il n'y a plus de liberté*»^{**56}. Все политическое построение Руссо, вся его доктрина народного суверенитета имеет целью установление таких условий, чтобы воля большинства, вообще воля народа не выходила из-под руководства *volonté générale*. — В частности, Руссо исходит в своем построении из веры в непосредственную гармонию интересов, которые притом не могут, по его убеждению, противоречить велениям естественного права, и потому эмпирическим условием осуществления *volonté générale* признает, говоря словами профессора Новгородцева, «совершенное единство желаний, обеспеченное полным единством жизни и ничем невозмутимой простотой настроений и чувств»^{***}. Руссо верит, что чем проще индивидуальное хотение, тем ближе оно должно стоять к своему безусловному, общеобязательному ингредиенту — *volonté générale*, тем меньше в нем окажется эмпирических, изменчивых примесей, воплощенных в *volonté*

* С. S. L. IV. С. II. P. 292; в тексте речь ведется от первого лица *mon, je* и т. д.

** Ibid. P. 292.

*** *Новгородцев*, Указ. соч. С. 25. Однако необходимо твердо помнить, что речь идет именно только об условиях осуществления «*volonté générale*», а не о ней самой, поэтому невозможно согласиться с проф. Новгородцевым, когда он относит приведенную характеристику к самому существу «*volonté générale*» и выводит представление о ней непосредственно из веры Руссо в естественную гармонию интересов (С. 24).

particulière. В этом его кардинальная ошибка. И вместе с тем здесь разгадка его знаменитого заявления, приведшего к стольким недоразумениям и служащего главным препятствием к правильному пониманию учения о «*volonté générale*»: «Il y a souvent bien de la difference entre la volonté de tous et la volonté générale; ...mais ôtez de ces mêmes volontés les plus et les moins qui s'entre-détruisent, reste pour somme de différences la volonté générale»^{*57}. Эту цитату ни в коем случае нельзя толковать таким образом, будто *volonté générale* низводится на положение среднеарифметического частных эмпирических волей**. Мы уже знаем, что *volonté générale* как безусловный, общеобязательный ингредиент индивидуального хотения, вполне гетерогенный его эмпирическим элементам, и отделена от них такой же непроходимой пропастью, как душа от тела; так что от сложения эмпирических волей никак не может получиться *volonté générale*. Последняя с самого начала наличествует в индивидуальной воле, и сложение этих волей имеет целью только взаимное уничтожение их эмпирических элементов, которые препятствуют выявлению во всей ее чистоте *volonté générale*, тождественной у всех индивидов. — Такое учение ничего общего не имеет с деградацией *volonté générale* в плоскость эмпирического обобщения; хотя оно вместе с тем еще очень далеко отстоит от кантовского понимания *volonté générale* как идеи. Теория Руссо обнаруживается здесь как чисто метафизическая (в докантовском смысле) в своей первооснове. *Volonté générale* для Руссо прежде всего метафизическая сущность: она дана, а не задана; недаром он ее сопоставляет с душой как основным элементом своей метафизической системы. Однако это не мешает Руссо придавать этому понятию вместе с тем значение правила, нормы, идеи, и именно в этом своем качестве *volonté générale* играет доминирующую роль в его политической доктрине. Оценивая приведенную выше цитату, не нужно забывать, что «Критика чистого разу-

* C. S. L. II. C. III. P. 162.

** Так истолковывает приведенную цитату даже такой глубокий историк политической мысли, как Gierke (Op. cit. S. 203). Он полагает, ссылаясь на это место, что у Руссо «in dem allgemeinen Willen die individuellen Besonderheiten der Einzelwillen durch Summierung der in ihnen übereinstimmenden Momente zu einem Durchschnittswillen aufgehoben werden»⁵⁸. Ср. также: Чичерин. Указ. соч. III, 141: «Чтобы получить общую волю из воли всех, нужно откинуть разногласия; тогда останется среднее мнение, которое и будет общею волею».

ма» еще не была написана. Своими гениальными прозрениями Руссо предвосхищал важнейшие элементы этической системы Канта; преодоление метафизики он предвосхитить не мог...⁵⁹

Но вернемся снова к изложению учения Руссо. Сопоставление понятий «conscience» и «volonté générale» привело нас к исследованию вопроса о личном или сверхличном характере последнего понятия. Наш вывод, решающий вопрос в смысле чисто индивидуалистического истолкования *volonté générale*, выдвигает вновь проблему о соотношении *volonté générale* и *conscience*⁵⁵. Если установлено, что оба эти понятия имеют чисто личный характер, то о принципиальном их различии не может быть и речи. Судя по всем данным, это две стороны одного и того же начала или, точнее, *volonté générale* есть одно из направлений *conscience*⁶⁰. При такой постановке вопроса сразу объясняется, почему Руссо мог выводить разумное естественное право и из *conscience*, и из *volonté générale*; последнее понятие более узкое, чем *conscience*, одна ее сторона. Но какая именно? Это последний вопрос, на который нам предстоит ответить в связи с разбором учения Руссо о *volonté générale*, и ответить будет не трудно. Как мы знаем, разумное естественное право отличается от всей совокупности остальных моральных велений тем, что для своей обязательной силы предполагает начало взаимности, обоюдность правообязанностей, что достигается путем социального договора. *Volonté générale* как непосредственный источник разумного естественного права воплощает в себе эти его специфические особенности. Являясь как бы целью и вместе с тем последним основанием социального договора, *volonté générale* выражает собой ту сторону *conscience*, которая направлена на общежитие. Это — «политическая совесть», «политический разум» индивида в *pendant*⁶² к Кантову «практическому разуму». И именно в этом своем качестве живого символа начала взаимности, социального принципа, необходимого для действия разумного естественного права как *lien social*, *volonté générale* отличается от общего понятия *conscience* своей рациональной абстрактностью. Это — абстрактная рационали-

* Насколько сам Руссо сознавал исходную близость этих двух понятий в его системе, легко усмотреть из того обстоятельства, что он понятие добродетели — *vertu* — то выводит из соотношения поведения с велениями совести-*conscience* (ср.: *Emile*. Кн. IV. P. 227), то строит на соответствии поступков с требованиями «*volonté générale*»: «*tout homme est vertueux*», говорит он в трактате о «Полит. экон.», «*quand sa volonté particulière est conforme en tout à la volonté générale*»⁶¹. 316 p. ср. также p. 315.

зированной сторона *conscience*, иррациональной по своему существу и в значительной мере конкретной. Подобную черту учения о *volonté générale* особенно интересно отметить в связи с вопросом о влиянии Руссо на Канта: влияние шло главным образом именно через посредство этой рационализированной стороны «*conscience*», и Кант перенес в свою этику многие определения, связанные с учением Руссо о *volonté générale*...

Как бы то ни было, на основании сказанного уясняется место *volonté générale* в общей системе воззрений Руссо и отпадает кажущееся противоречие, в которое как будто бы впадает Руссо, поскольку речь идет об источниках разумного естественного права.

Этими замечаниями мы могли бы считать анализ понятия *volonté générale* законченным и перейти на почве добытых результатов к общей характеристике учения Руссо о верховной власти. Однако нам остается сделать еще одно существенное замечание в дополнение к сказанному в предыдущем; иначе нас могли бы упрекнуть в некоторой тенденциозности. В самом деле, излагая воззрения Руссо на *volonté générale*, мы всюду тщательно элиминировали чужеродные эмпирически-утилитарные элементы, часто вплетающиеся в ход его рассуждений и сильно затрудняющие понимание первооснов его учения. Руссо в своих определениях *volonté générale* постоянно подчеркивает, что она направлена исключительно на общий интерес (*regarde qu'à... l'intérêt commun*), в то время как частная воля по своему существу имеет дело только с частными интересами*. Направленность на общий интерес Руссо признает эмпирическим признаком *volonté générale*. Это обстоятельство, неправильно оцениваемое большинством истолкователей, и в частности новейшими писателями, работавшими над Руссо, приводит их к чисто утилитарному истолкованию *volonté générale***.

Очевидно, «*conscience*» и «*volonté générale*» в значительной мере сводятся для Руссо к одному и тому же.

* С. S. L. I. C. VII. P. 145; L. II. C. III. P. 162; L. IV. C. I. P. 285.

** Ср.: *Haymann*. Op. cit., 166, 152–175, 183, 363. *Liepmann M.* Die Rechtsphilosophie des J. J. Rousseau. 1898. 115–118. *Beaulavon G.* Introduction // Rousseau J. J. Du contrat social. Paris, 1914. 31–33, 162–163 и другие. Из более старых авторов на этой точке зрения стоял в особенности Stahl F. J. (*Philosophie des Rechts*. I Theil. Geschichte der Rechtsphilosophie III Auflage. 1856. 307, 309), к ней при- мыкает, по-видимому, и Гессен (Op. cit., 116, 119–120). Против подобного понимания с большой яркостью высказался Б. Кистяковский (*Gesellschaft und Einzelwesen*. 1899. 156–157, примеч.⁶³).

извращающему истинный смысл этого метафизического в своей первооснове и глубоко идеалистического по своему внутреннему значению понятия. Из безусловного, общеобязательного элемента человеческого хотения *volonté générale* низводится в область изменчивой эмпирии и теряет при этом все свое принципиальное отличие от частной, условной воли, отличие, на котором так настаивает Руссо. Наше предшествующее изложение пыталось показать всю неправильность подобного истолкования. Однако мы теперь должны дать отчет о чуждых существу *volonté générale* утилитарных элементах, вплетенных в изложение Руссо. — Руссо сам дал ясное и точное разъяснение по поводу сочетания в его учении идеалистических и утилитарных элементов: «*Je tâcherai*», говорит он в самом начале «*Contrat Soc*»: «*d'allier toujours dans cette recherche ce que le droit permet avec ce que l'intérêt prescrit, afin que la justice et l'utilité ne se trouvent point divisées*»^{*64}. — Так мог писать только мыслитель, резко и отчетливо противопоставляющий идеальные и эмпирические начала, справедливость и пользу, разумное естественное право и интерес, и, как мы знаем из предыдущего, Руссо в своей системе всюду исходит из этого противоположения. Если тем не менее он ставит себе задачей сочетание этих элементов и постоянно пытается осуществить его на деле, то это объясняется стремлением нашего автора установить эмпирические условия, необходимые для воплощения в жизнь его идеальных построений**. Причем это задание для него крайне облегчалось верой в конечное соответствие между интересом и справедливостью, правом и пользой, вообще в гармонию интересов, верой, которую Руссо разделял со всем своим веком. Этой вере Руссо суждено было безжалостно разбиться, и его преемник Кант окончательно оборвал последние связи между добром и пользой, интересом и правом... Во всяком случае, Руссо всюду свято соблюдает это различие, и весь ход его доказательств в «*Contrat Soc*» ведется

* C. S. L. I. C. I. P. 118.

** Исходя из этого стремления, Руссо заявляет в «*Contrat Soc*», что будет строить свое учение «*en prenant les hommes tels qu'ils sont*»⁶⁵ (L. I. C. I. 117), ибо, как он говорит в письме к Usteri: «*il n'y a que les passions humaines... qui conservent les établissements politiques*»⁶⁶ (Op. cit. T. IV. P. 450). Однако отсюда вовсе не следует, чтобы право должно было считаться со страстями человека: «*...Le droit ne se plie point aux passions des hommes*»⁶⁷ (Emile. L. V, P. 195). Этот тезис Руссо необходимо твердо запомнить.

параллельно*. С точки зрения требований разумного естественного права и на основании утилитарных соображений этот строгий параллелизм аргументации Руссо необходимо особенно подчеркнуть, так как он постоянно упускается из виду при изложении воззрений нашего автора, и именно в этой связи метафизик и идеалист Руссо — великий предтеча Канта — низводится в обычное русло плоского утилитаризма... Сказанное в достаточной мере оправдывает, почему мы сочли возможным, излагая учение Руссо о *volonté générale*, оставить в стороне все утилитарно-эмпирические примеси в его построении как не затрагивающие первооснов его воззрения и только препятствующие усвоению их во всей их чистоте. Поступая таким образом, мы только последовали за собственным заявлением Руссо о его основном методе: «...Le droit ne se plie point aux passions des hommes et il... s'agissait entre nous d'établir d'abord les vrais principes du droit politique. A présent que nos fondements sont posés, venez examiner ce que les hommes ont bâti dessus...»**⁷² «...Il faut savoir ce qui doit être pour bien juger de ce qui est»***⁷³.

* Проследить этот параллелизм через весь ход рассуждений в «Contr. soc.» составило бы одновременно и весьма трудную и чрезвычайно благодарную задачу. Размеры и задание настоящей работы не позволяют здесь заняться ее выполнением; автор полагает это сделать в другом месте: в задуманной им более обширной работе о Руссо. — Сейчас ограничимся только одним примером. — Обосновывая невозможность вторжения суверена в сферу индивидуальной свободы, Руссо говорит: «Le souverain n'ayant formé que des particuliers qui le composent, n'a ni ne peut avoir d'intérêt contraire au leur par conséquent... il est impossible que le corps veuille nuire à... ses membres»⁶⁸. (C. S. L. I. C. VII. P. 145) «puisqu'il se serait voulu faire du mal à soi-même»⁶⁹ (Emile. L. V. P. 292). Такова его чисто утилитарная аргументация; конечно, ее необходимо строго отличать от основной линии доказательств Руссо, построенных на разумном естественном праве: «Le souverain par cela seul qu'il est, est toujours tout ce qu'il doit être»⁷⁰, тут же прибавляет он к вышеприведенным словам, в сжатой форме указывая, что верховная власть всецело проникнута естественным правом и потому не может нарушать его велений. Несколькими страницами далее он разъясняет более подробно эту формулу; суверен, говорит он здесь, не только не может нарушать индивидуальных прав подданных, но «ne peut pas même le vouloir, car sous la loi de raison, rien ne se fait sans cause, non plus que sous la loi de nature»⁷¹ (L. II. C. IV. P. 167). Что оба приведенных ряда доказательств совершенно независимы друг от друга и что центр тяжести для Руссо лежит в естественно-правовой аргументации, после сказанного в предыдущем не требует разъяснений.

** Emile. L. V. P. 295.

*** Ibid. P. 291.

Понятие верховной власти у Руссо, как мы знаем из предыдущего, складывается из двух элементов: *volonté générale*, как руководящего правила и *force publique*⁷⁴ в виде народного голосования, всецело подчиненного этому правилу. Поэтому только теперь, после того как нами закончен несколько затянувшийся анализ этих ингредиентов верховной власти, мы можем дать ее точную характеристику.

Верховная власть зиждется на *volonté générale* как руководящем принципе деятельности суверена: «*la volonté générale est l'essence de la souveraineté*»⁷⁵ есть источник разумного естественного права, его концентрированное выражение. Если сущность верховной власти состоит в *volonté générale*, то характерная особенность этой власти заключается в том, что она насквозь проникнута разумным естественным правом. Веления суверена свою обязательную силу получают благодаря своему соответствию требованиям разумного естественного права. Как только они расходятся с этими требованиями, они теряют свой правовой характер, переставая служить проявлениям верховной власти, и повелевающий перестает быть сувереном. Положительное право — закон (*loi*) — это непосредственное выражение *volonté générale*, от начала до конца пронизанное разумным естественным правом. Не может быть положительного права, расходящегося с естественным, по той простой причине, что всякое веление, не проникнутое естественным правом, есть не право, а произвол. Верховная власть по своему существу не может нарушать норм естественного права, посягать на субъективные естественные права подданных, ибо она лишь постольку власть, поскольку подчинена праву*. В этом сокровенный

* Отметим, что такое воззрение, устанавливающее суверенитет права, ничего общего не имеет с анархизмом, который иногда приписывают Руссо (ср. в частн.: проф. Гессен. *Op. cit.* 118, 114, 125). Анархизм отрицает момент принуждения в общезитии, отвергает существование общеобязательных социальных норм, т. е. права, и сводит все общение между людьми к произволу отдельных индивидов. Между тем все построение Руссо направлено на утверждение господства права в смысле общеобязательной закономерности, устраняющей индивидуальный произвол, и приводит к обоснованию правомерности принуждения как подчинения индивида собственной его разумной природе, выявленной в «*volonté générale*». — Руссо только не преклоняется заранее перед всяким положительным правом и фактической властью, а возводит их обязательную силу к последнему основанию всякой обязательности в общезитии: к разумному естественному праву. Утверждение суверенитета естественного права есть одновременно отрицание и юридического позитивизма и анархизма.

смысл знаменитого изречения Руссо: «Le souverain par cela seul qu'il est, est toujours tous ce qu'il doit être»^{*76}. Оно означает: нет дуализма права и власти, естественного права и положительного закона. Власть только тогда власть, когда она такова, какой она должна быть согласно велениям естественного права. Нет другого источника обязательности велений в государстве, кроме разумного естественного права, непосредственно проистекающего из *volonté générale* как руководящего принципа, заложенного в хотении каждого отдельного индивида. И если верховная власть совершенно подчинена руководству этого абстрактно-личного принципа и насквозь пронизана проистекающим из него разумным естественным правом, основное требование которого есть неотъемлемость индивидуальной свободы, то как же может эта власть посягать на индивидуальные естественные права граждан? Естественное право не может само себе противоречить — «la volonté générale ne peut pas errer»⁷⁷. Поскольку власть есть правомерная верховная власть, а не произвол, поскольку господствует *volonté générale*, индивидуальные естественные права граждан обеспечены раз навсегда и притом столь коренным образом, как ни в каком другом политическом построении. Неотъемлемые субъективные права подданных гарантированы самым фактом существования государства и верховной власти, ибо это существование возможно лишь на базе разумного естественного права, основное содержание которого есть утверждение индивидуальной свободы. Вот почему Руссо говорит: «...La puissance souveraine n'a nul besoin de garant envers les sujets»^{**78} ... «le souverain ...ne peut charger les sujets d'aucune chaîne inutile à la communauté: il ne peut pas même le vouloir, car sous la loi de raison, (т. е. под действием разумного естеств. права), rien ne se fait sans cause, non plus que sous la loi de nature»^{***79}.

После сказанного мы отнесемся с полным доверием к цитированному уже заявлению Руссо: «...le pouvoir souverain, tout absolu, tout sacré, tout inviolable qu'il est, ne passe ni ne peut passer les bornes des conventions générales et... tout homme peut disposer pleinement de ce qui lui a été laissé de ses biens et de sa liberté par ces conventions»^{****74}, ибо мы знаем, что эти соглашения

* C. S. L. I. C. VII. P. 145.

** Ibid. L. I. C. VII. P. 145.

*** Ibid. L. II. C. IV. P. 167.

**** Ibid. L. II. C. IV. P. 171.

обеспечивают за индивидом ровно столько индивидуальных прав, сколько этого требует разумное естественное право, т. е. индивидуальную свободу в полном объеме... Все учение Руссо о верховной власти сводится в конечном итоге к утверждению неотъемлемых естественных прав индивида. В этом главный смысл, в этом основная тенденция всего его построения. Руссо, следовательно, не обманывает индивида, когда обещает ему в государственном состоянии свободу как пользование разумными естественными правами, в обмен на инстинктивные естественные права, от которых индивид должен отказаться, чтоб вступить в общение. Напротив, Руссо всемерно сдерживает свое слово и воздаст индивиду сторицей*: его учение о верховной власти — лучшее тому доказательство.

Итак, анализ воззрения Руссо на верховную власть привел нас к тем же результатам, что и разбор его учения о социальном договоре. Наше утверждение, что, вступая в договор, индивиды не только не отрекаются от своих прав, но, напротив, обретают их, получило новое и фундаментальное подтверждение как раз в том самом учении, которое наши противники делают сакраментальной формулой различия исходных принципов Декларации и построений Руссо. Их аргументацию в этой области, поскольку правильно все изложенное в предыдущем, можно считать окончательно отвергнутой: большего по своей решительности и глубине отрицания абсолютизма, чем учение Руссо о верховной власти, себе невозможно представить. Руссо утверждает абсолютизм разумного естественного права и полное подчинение власти. Его руководящая идея — суверенитет права**, и притом именно неотъемлемого

* Другой вопрос, конечно, насколько свойственное Руссо, с его абстрактно-родовым подходом к личности, понимание индивидуальной свободы способно было удовлетворить притязания личности. Дальнейшее развитие политической мысли, выдвинувшее понятие конкретной индивидуальности, резко оттенило недостаточность абстрактного индивидуализма для обеспечения прав личности во всей полноте ее конкретных определений (ср. Заключение настоящей работы). Однако этот упрек в такой же мере относится к Декларации прав 1789 г., как к Руссо—Канту, и их заслуги в деле обоснования прав индивидуальной свободы должны стоять не в меньшей степени вне сомнения, чем значение Декларации.

** Нельзя не обратить внимания на близость воззрений Руссо в этой плоскости с новейшим направлением в государствоведении, стремящимся к монизации власти и права, как это течение представлено в работах: Krabbe (*Die Lehre der Rechtssouverenität*. Groningen, 1906. См. в особ. s. 17, 47, 195, 245), Kelsen'a (*Hauptprobleme der Staatsrechtslehre*. 1911. В особ. s. 406) и

естественного права индивида. — При таких условиях, может показаться непонятным, каким образом в Руссо могли видеть отрицателя неотъемлемых индивидуальных прав; однако это заблуждение находит себе объяснение в глубоком своеобразии Руссо в обосновании этой идеи. В отличие от своих предшественников, творец «Общественного договора» полагает, что неотчуждаемые естественные права не приносятся с собой из естественного состояния, а, напротив, порождаются в своей обязательной силе в государственном общении; к этому приводит утверждение беспредельного господства *volonté générale* и ее внешнего выражения — закона. Только при помощи законов за подданными обеспечивается гражданская свобода (*liberté civile*)*. В этом именно и состоит то чудо, о котором говорит Руссо в трактате о «Политической экономии», что только при действии законов утверждаются во всей их силе неотъемлемые права индивида. Индивидуальная свобода зиждется на закономерности, на господстве закона и отнюдь не тождественна с произволом независимого индивида, взятого в изолированном состоянии. Гражданская свобода тем и отличается от произвола, что точно определена законом, ограничена *volonté générale*. Все граждане имеют равное право на свободу, и потому каждый может пользоваться своей свободой лишь постольку, поскольку он не нарушает свободы других: «*nul ne perd de sa liberté*», говоря словами Руссо, «*que ce qui peut nuire à celle d'un autre*»**⁸³. Закон как выражение *volonté générale* именно и устанавливает те пределы, в коих индивиды могут пользоваться своей свободой, не вторгаясь в свободу остальных***. Что при этом положительный закон как

Radbruch'a (*Grundzüge der Rechtsphilosophie*. 1914. В особ. s. 83)⁸¹. Необычайно близко подходит к этому течению мыслей на основании совершенно других предпосылок Duguit (ср. в особенности *L'État I, Le droit objectif et la loi positive*. 1901. P. 12, 130, 186–187, 259–267, 268, 273–274, 311, 360 и другие).

* Которую Руссо, вопреки распространенному мнению, прекрасно умел отличать от свободы политической. Так, определяя задачи государственного управления *gouvernement*, Руссо возлагает на него обязанность одинаково заботиться об охране, «*de la liberté tant civile, que politique*»⁸². С. S. L. III. P. 211. Ср. *Lettres écrites de la Montagne*, VI письмо // *Œuvres*. III т. p. 64, а также С. S. L. III. С. IX. P. 254.

** *Economie Politique*. I. 314 p.

*** Эта творческая мысль Руссо легла в основание Кантова учения о праве как о разграничении сфер индивидуальной свободы на началах законо-

всецело пронизанный разумным естественным правом по самому существу своему не может посягать на неотъемлемые естественные права индивида, ясно само собой...

Во всяком случае, только при посредстве закона, только в государственном общении может быть обеспечена индивидуальная свобода. Руссо всюду подчеркивает эту свою мысль, сознавая всю ее плодотворность: «Lisez-le, monsieurs, ce livre...» — восклицает он о «Contrat Social», — vous y verrez partout la liberté réclamée, mais toujours sous l'autorité des lois, sans laquelle la liberté ne peut exister»^{*84}. — И нужно сказать, что это новое и глубоко оригинальное воззрение Руссо на значение закона для обеспечения гражданской свободы не осталось без влияния на Декларацию прав. В отличие от американских деклараций и под непосредственным воздействием идей Руссо, Декларация 1789 г. всюду выдвигает на первый план понятие закона, заимствуя при этом из «Contrat Social» самое определение этого понятия. «La loi est l'expression de la volonté générale»⁸⁵, гласит 6 параграф Декларации, и далее, в последующих параграфах Декларация постоянно прибегает к помощи закона для точного определения провозглашаемых ею отдельных свобод. Но близость Декларации к мыслям Руссо идет еще дальше: Декларация непосредственно заимствует у него его проникновенное определение гражданской свободы^{**}. 4-й параграф Декларации гласит: «La liberté consiste à pouvoir faire tout ce que ne nuit pas à autrui: ainsi l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes, que celles qui assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits. Ces bornes ne peuvent être déterminées que par la loi»^{***86}. Это классическое место не имеет никакой аналогии в американских декларациях и несомненно целиком навеяно учением Руссо, из которого непосредственно вытекает. Никто, кроме Руссо, так не ставил вопроса, никто до него так не определял понятия свободы. 4-й параграф Декларации во всей своей внутренней значительности должен быть вменен в исключительную заслугу Руссо. И, становясь здесь на почву учения Руссо о законе, Декларация так же мало противоречила своему исходному принци-

мерности. См.: *Kant. Metaphysik der Sitten*. 1797. I. Teil Rechtslehre. Einl. In die Rechtsl. § C. и § B. s. 35–36, 33–34 в изд. F. Meiner. 1907.

* Lettres écrites de la Montagne. VI письмо // *Op. cit.* III т., p. 66.

** *Econ. Polit.* I. P. 314. Ср. приведенную выше цитату.

*** Цитирую по: *Duguit-Monnier. Les constitutions de la France*. P. 2.

пу — идее неотъемлемых прав индивида, как мало этой идее противоречит учение Руссо о верховной власти. Преодолев дуализм права и власти, права положительного и естественного и устранив воззрение на догосударственный характер естественных прав, Руссо заложил новый и прочный фундамент идее неотъемлемых прав индивида.

